

Л. Л. Кругликов

ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ И ЦЕЛИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Предмет и цели исследования составляют такие категории, как целесообразность и цели в российском уголовном законодательстве. Уголовно-правовое регулирование предполагает достижение определенных общественно полезных результатов. Данные результаты в уголовном законе дифференцируются на две группы: задачи уголовного законодательства и цели уголовного наказания.

Основные результаты исследования связаны с выстраиванием системы, в основе которой лежит категория, которая, несомненно, претендует на статус самостоятельного правового принципа – целесообразность в законотворческой и правоприменительной деятельности. Представленная работа посвящена анализу содержания категорий «задачи», «цели» и «целесообразность» в уголовном праве и особенностей их использования как оснований современной уголовной политики.

В качестве насущной проблемы целесообразность определена как уголовно-правовой принцип, который имеет много общего ещё с одним уголовно-правовым принципом, который косвенно обозначен в ст. 60 УК РФ – принцип экономии уголовной репрессии. Императивное указание на необходимость применения более строгой меры ответственности используется только в том случае, когда применение менее строгой меры ответственности не способно обеспечить достижения заявленных целей уголовного наказания, претендует на статус самостоятельного принципа, поскольку именно он положен в основу не только законодательной, но и правоприменительной уголовной политики.

Ключевые слова: уголовный закон, уголовное наказание, уголовная ответственность, принципы уголовного права, цели и целесообразность уголовно-правовой охраны.

L. L. Kruglikov

FEASIBILITY AND OBJECTIVES IN THE RUSSIAN CRIMINAL LAW

Criminal law regulation presupposes the achievement of certain socially useful results. These results in the criminal law are differentiated into two groups: the tasks of criminal law and the objectives of criminal punishment. At the same time, the basis for building the system of these results lies in a category that undoubtedly claims to be an independent legal principle – expediency in lawmaking and law enforcement activities. The presented work is devoted to the analysis of the content of the categories of «tasks», «goals» and «expediency» in criminal law and the specifics of their use as grounds for modern criminal policy.

Key words: criminal law, criminal punishment, criminal liability, principles of criminal law, goals and expediency of criminal law protection.

Введение

Проблема определения цели (или целей), во имя достижения которой (которых) применяется уголовное наказание, ставилась чуть ли не с момента определения первого вида деяния, признаваемого преступлением. Действительно, ради чего было применять наказание к преступнику, если причинение вреда общественным отношениям уже состоялось, а компенсировать причинённый им ущерб зачастую не представляется возможным [6: 75–80]. Следу-

ет отметить, что и к настоящему времени данная проблема не получила однозначного разрешения, хотя высокое практическое значение определения цели уголовного наказания никогда под сомнение не ставилось.

Итак, наказание, применяемое в соответствии с действующим уголовным законом, ни в коем случае нельзя рассматривать в качестве самоцели: наказание ради наказания. В общем, оно представляет собой средство для решения задач, которые официально обозначены действующим уголовным законом. В соответствии с ч. 1 ст. 2 УК РФ к таким задачам отнесена охрана: прав и свобод человека и гражданина; собственности; общественного порядка и общественной безопасности; окружающей среды; конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств.

Помимо этого средствами российского уголовного законодательства обеспечивается мир и безопасность человечества, а также осуществляется предупреждение преступлений. Здесь следует сделать одно замечание: из приведенного текста не вполне понятно, какой уровень объекта по вертикали задействован законодателем в ст. 2 УК РФ при составлении перечня объектов уголовно-правовой охраны: личность, общественный порядок и общественная безопасность – объекты разделов преступлений; окружающая среда и конституционный строй – объекты глав преступлений; мир и безопасность человечества – объекты и раздела, и главы. Неупомянутыми оказались по меньшей мере объекты трёх из шести разделов, а также шести из девятнадцати глав Особенной части УК РФ. Впечатление такое, что законодателем в данном случае использован метод случайной выборки. Разумным было бы перечислить круг объектов шести разделов, чтобы, не допуская чрезмерное увеличение объема указанной уголовно-правовой нормы, обеспечить вместе с тем полноту перечня заявляемых задач – всех видов объектов, обеспечиваемых уголовно-правовой охраной.

Кроме этого, в уголовном законе обособлены цели, для достижения которых применяется наказание. К таким целям в соответствии с положениями ч. 2 ст. 43 УК РФ относятся: восстановление социальной справедливости; исправление осуждённого; предупреждение совершения новых преступлений.

Результаты и обсуждение

Наверное, проблема определения целей уголовного наказания является одной из наиболее популярных в уголовно-правовой науке. Так, Н. А. Стручков ещё в середине прошлого столетия указывал на то, что нормы уголовного закона обеспечивают придание сущности наказания, особенностям отдельных его видов, процессу выбора и назначения таких свойств, которые обеспечивают достижение всех поставленных перед ним целей, а, следовательно, оправдывают ожидания общества, связанные с назначением и исполнением данной (наиболее строгой) меры государственного принуждения [9, с. 92]. Различные аспекты уголовного наказания как социально-правового и даже психологического института: сущность, целесообразность, цели применения, степень допустимой строгости, особенности восприятия/принятия осужденным и др., – являлись и являются предметом многих научных исследований современности [1; 2].

Факт того, что установление в уголовном законе, назначение и исполнение наказания должны отвечать принципу целесообразности, фиксировался не только в доктринальных источниках, но и получал официальное законодательное закрепление. Так, в ст. 26 УК РСФСР 1922 года содержалось следующее положение: «Являясь мерой оборонительной, наказание должно быть целесообразно ...». О том же говорилось в ст. 10 Руководящих начал по уголовному праву 1919 года и в ст. 4 Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 года. Последовательна в этом вопросе была и советская судебная практика.

Наверное, из всех положений уголовного законодательства наиболее продолжительным во времени является поиск того результата, который обеспечил бы оправдание применения уголовного наказания по отношению к лицу, признанному виновным в совершении преступления. В различные временные периоды развития общества сущность уголовного наказания связывалась с причинением физических и нравственных страданий человеку, лишений личного и (или) иму-

щественного характера, лишений прав и свобод. Значимость данных решений может подтверждаться уже только тем, что относительно определения сущности уголовного наказания и целей, во имя которых оно применяется в обществе, существует несколько научных школ, идеи которых формировались ещё в трудах античных ученых-философов.

Так, представители абсолютной (ретрибутивной, безусловной) теории уголовного наказания: Пифагор, Аристотель, И. Кант, Г. Гегель и др., – видели назначение уголовного наказания в достижении полной соразмерности причиняемого преступнику вреда в процессе применения избранной меры с теми социально-негативными последствиями, которые наступили в результате совершения преступления. Как отмечал И. Кант, изначально все представители общества обладают равным объёмом прав и свобод. Совершая преступление, человек в той или иной степени попирает права и свободы ближнего, за счёт чего неправомерно расширяет границы своего социально-правового статуса.

Необходимость относиться к каждому так, как хочешь, чтобы относились к тебе самому, признавалась основанием для определения меры ответственности за совершённое деяние в отношении потерпевшего: зло, причиняемое другому, преступник причиняет самому себе. Отсюда после совершения преступления возникает право на возмездие, то есть на применение наказания, которое по своим негативным последствиям для виновного будет тождественно преступному результату.

Представители относительной (утилитарной) теории уголовного наказания: Протагор, Платон, Ч. Беккариа, И. Бентам, В. С. Соловьев и др., – напротив, видели в стремлении полного воздаяния преступнику за причиненный вред лишь нецивилизованность и невозможность оказать хоть какое бы то ни было влияние и на преступника, и на иных представителей общества. Как отмечал И. Бентам, наказание, как и любая другая деятельность человека, должно быть ориентировано на принесение пользы и выгоды обществу в целом. Уголовное наказание может быть воспринято как социальное благо только в том случае, если общество получает от него пользу в виде предупреждения ещё большего зла и страданий, то есть только для предупреждения совершения преступлений в будущем. Во всех иных случаях наказание не является олицетворением социального удовольствия, а потому не может иметь места в обществе.

В настоящее время относительная теория уголовного наказания, претерпев незначительные изменения в вопросах постановки цели уголовного наказания и путей её достижения, реализована в положениях уголовного законодательства многих стран мира. Это объясняется рациональностью и практической значимостью идеи о том, что уголовное наказание должно удерживать человека от совершения преступления: страх перед наказанием должен оказаться сильнее желания совершить уголовно-наказуемое деяние.

Конечно, назначение и исполнение уголовного наказания полностью не устранил преступность в обществе, но именно с его помощью количество совершаемых преступлений может быть существенно сокращено, а потому наказание, несмотря на его правоограничительный характер и страдания виновного, является оправданным актом со стороны общества и государства. Отсюда же были сформированы существующие в современном уголовном законодательстве две цели уголовного наказания: общая и частная превенции.

Наконец, в уголовно-правовой доктрине выделяется ещё одна школа, получившая наименование смешанной теории уголовного наказания. Ее представители: Г. Абегг, А. Бернер и др., – стремились объединить положительные идеи о воздаянии преступнику и предупредительном уголовно-правовом воздействии, которые обеспечиваются с помощью уголовного наказания. Так, Б. Мейер указывает, что цель наказания как инструмента уголовной политики государства должна быть легитимной, т. е. фиксироваться в действующем уголовном законодательстве. Только в этом случае применение любого принуждения и ограничения прав осуждённого может быть оправданным. Цель уголовного наказания, предусмотренная законом, должна быть предельно конкретизирована, поскольку её формулирование по типу абстрактной мировоззренческой ориентации не будет воспринято обществом, а, следовательно, и наказание не может рассматриваться в качестве социально полезного института права. Именно ком-

плексные теории уголовного наказания в настоящее время имеют доминирующее значение в практической деятельности судебных и правоохранительных органов ФРГ [3, с. 306].

В качестве современной разновидности смешанной теории можно признать теорию восстановительного (реституционного) правосудия. Основная идея данной теории заключается в бесполезности применения уголовного наказания, если в результате его исполнения потерпевший не получает какого-либо материального и (или) морального удовлетворения. Прежде всего речь идёт о лишении свободы на длительные сроки, а равно и о других видах наказаний, исполняемых только в пользу государства. В этой связи процесс реализации уголовной ответственности ориентирован не на выбор меры ответственности лица, совершившего общественно опасное деяние, а на максимально возможное восстановление прав потерпевшего, которые были нарушены путём совершения преступления [10, с. 105].

При данном подходе реализуемое уголовное наказание определяется соразмерно тому вреду, который был причинён в результате совершения преступления, что соответствует положениям абсолютной теории. Однако реституционный и принудительный характер применяемых к виновному мер позволяет утверждать, что в результате исполнения наказания осуждённый может пересмотреть своё отношение к охраняемым уголовным законом ценностям, а третьи лица убедятся в действительности принципа неотвратимости уголовной ответственности. Данные свойства характерны уже для относительной теории уголовного наказания.

Именно смешанная теория положена в современную систему целей уголовного наказания, хотя, как небезосновательно отмечают отдельные авторы, ни одна из заявленных в ч. 2 ст. 43 УК РФ не может в действительности быть достигнута только благодаря установленному в законе и (или) применённому на практике уголовному наказанию [6, с. 75–83].

Предписание о целесообразности содержит уголовное право ряда зарубежных государств. Например, в УК Нидерландов целесообразность прямо называется в качестве одного из основных принципов, под которым понимается «соответствие намеченной цели и достигнутого результата» [12, с. 13].

На этом фоне обращают на себя внимание два момента: 1) расхождения в обрисовке круга целей закона и уголовного наказания в смежных отраслях современного российского законодательства – в УК РФ и Уголовно-исполнительном кодексе РФ (УИК РФ); 2) отсутствие среди принципов уголовного права принципа целесообразности.

Действительно, существуют заметные расхождения в обрисовке круга целей в ст. 43 УК РФ: восстановление социальной справедливости; исправление осужденного; предупреждение совершения новых преступлений, – и ст. 1 УИК РФ, в ч. 1 которой сказано: «Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации имеет своими целями исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами».

Конечно же, негоже, когда по одному и тому же вопросу (исполнение приговора суда в части назначенного наказания) две смежные отрасли требуют от правоприменителя достижения несовпадающих целей. Какому требованию в данном случае необходимо отдать предпочтение? Можно дискутировать относительно того, как должен выглядеть оптимальный набор целей наказания. Очевидно, однако, то, что необходима унификация этого набора, ибо без чёткого опредмечивания целей деятельности невозможно осознанно определить необходимые средства их достижения, направить деятельность правоприменителя в нужное русло [4, с. 88–92].

Что же касается принципов уголовного права (законодательства, ответственности), то, как известно, действующий российский уголовный закон закрепил по этому поводу существенные позитивные преобразования, которые сводятся, во-первых, к реализации научно-обоснованной идеи о необходимости законодательного установления принципов уголовной ответственности, во-вторых, к определению их точного количества и правового содержания (ст. 3–7 УК РФ). Всё это должно было обеспечить стабильность действующего российского уголовного закона, гарантировать внутреннюю непротиворечивость в случаях внесения в него изменений и дополнений.

К сожалению, ничего подобного не наблюдалось ни к моменту принятия УК РФ, ни тем более в настоящее время. Говорят и пишут о том, что действующее уголовное законодательство в результате многочисленных и нередко противоречивых изменений «превратилось в лоскутное одеяло» и даже признаётся необходимым принятие нового Уголовного кодекса России. Почему же законодательным принципам не удаётся выполнить свою миссию гаранта стабильности и непротиворечивости?

Одна из причин этого, хотя далеко и не единственная, видится в неоптимальности описанного в Кодексе круга принципов. Законодатель обоснованно закрепил ряд общеправовых принципов – законности (ст. 3), равенства (ст. 4), гуманизма (ст. 7), упомянув также о справедливости (ст. 6). Назван также один межотраслевой принцип – вины (ст. 5). Вместе с тем, как это ни удивительно, не нашлось места ни одному собственно отраслевому принципу, даже такому упоминавшемуся в Теоретической модели Уголовного кодекса (Общая часть) и в одном из проектов УК, как неотвратимость ответственности. Заслуживали внимания также принципы дифференциации и индивидуализации ответственности и наказания, экономии карательных мер, а также, разумеется, принцип целесообразности [5; 11, с. 36–43].

По С. И. Ожегову, «целесообразность отвечает цели, намерению, хотению» [7, с. 870]. Исходя из этимологии этого слова, целесообразность представляет собой оценочную категорию, характеризующую соотношение, соотнесение с иными целевыми категориями и непротиворечие с предполагаемым результатом осуществляемой деятельности. Несмотря на то, что целесообразность не нашла своего места в системе официальных принципов уголовного права, она обладает всеми отличительными особенностями-признаками, присущими любому принципу права. Целесообразность находит свое место в содержании всех норм и институтов уголовного права, оказывает существенное влияние и на законотворческую, и на интерпретационную, и на правоприменительную деятельность. Особенно это сказывается на содержании и применении диспозитивных, управомочивающих уголовно-правовых норм.

С позиции целесообразности правоприменителем должна быть избрана такая мера уголовно-правового воздействия, которая явилась бы, с одной стороны, средством, способным достичь стоящие перед нею цели, и в то же время обладать достаточным потенциалом для решения всех задач, обозначенных в ст. 2 УК РФ.

Здесь необходимо сделать еще одну оговорку: определять целесообразность установления и выбора средств реагирования на совершенное преступление уполномочен только законодатель. Именно на уровне закона устанавливаются минимальные и максимальные пределы уголовно-правового воздействия на лиц, признанных виновными в совершении общественно опасного посягательства [8, с. 108–111]. Правоприменитель по своему усмотрению не может применить к преступнику чрезмерно (с точки зрения положений уголовного закона) строгую или, наоборот, мягкую меру государственного принуждения, даже в случаях полной уверенности, что именно избранная им мера принуждения наиболее эффективно обеспечит достижение официально заявленных целей уголовного наказания.

Заключение и выводы

Учитывая все вышеизложенное, анализируя цели уголовного законодательства, включая цели уголовного наказания, следует вести речь об уголовно-правовой целесообразности: виды избираемых средств и объем их применения должны отвечать всем перечисленным в УК РФ целям. Как сказано в ч. 1 ст. 60 УК РФ, при всех условиях «лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается справедливое наказание в пределах, предусмотренных соответствующей статьёй Особенной части настоящего Кодекса, и с учётом положений Общей части настоящего Кодекса».

Целесообразность как уголовно-правовой принцип имеет много общего ещё с одним уголовно-правовым принципом, который, к сожалению, лишь косвенно обозначен в ст. 60 УК РФ – принцип экономии уголовной репрессии. Императивное указание на необходимость применения более строгой меры ответственности только в том случае, когда применение менее строгой меры ответственности не способно обеспечить достижения заявленных целей уго-

ловного наказания, претендует на статус самостоятельного принципа, поскольку именно он положен в основу не только законодательной, но и правоприменительной уголовной политики.

Избрание той или иной уголовно-правовой меры «с запасом» является грубейшим нарушением не только принципа справедливости (ст. 6 УК РФ) и общих начал назначения наказания (ст. 60 УК РФ), но и принципа законности в целом (ст. 3 УК РФ). При наличии возможности достижения искомого результата путем применения менее строгой меры, необходимо избрать именно такую меру уголовной ответственности, которая не обязательно должна быть сведена к виду того или иного уголовного наказания.

Литература

1. Гальперин, И. М. Наказание: социальные функции, практика применения [Текст] / И. М. Гальперин. – Москва : Юридическая литература, 1983. – 208 с.
2. Дагель, П. С. Проблемы советской уголовной политики [Текст] : учебное пособие / П. С. Дагель. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1982. – 124 с.
3. Жалинский, А. Э. Современное немецкое уголовное право [Текст] / А. Э. Жалинский. – Москва, 2006. – 560 с.
4. Кругликов, Л. Л. О некоторых элементах несогласованности Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов [Текст] / Л. Л. Кругликов // Проблемы теории наказания и его исполнения в новом Уголовном и Уголовно-исполнительном кодексах : к 75-летию Н. А. Стручкова. – Москва : ВНИИ МВД России, 1997. – С. 88–92.
5. Кругликов, Л. Л. Смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства в уголовном праве [Текст] / Л. Л. Кругликов. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 164 с.
6. Лапшин, В. Ф. Истинная цель уголовного наказания и критерии ее достижимости [Текст] / В. Ф. Лапшин // Журнал российского права. – 2018. – № 5. – С. 75–85.
7. Ожегов, С. И. Словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов. – Москва : Русский язык, 1990. – 1736 с.
8. Розенко, С. В. Лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград как вид наказания в российском уголовном праве [Текст] / С. В. Розенко // Юридическая наука. – 2015. – № 4. – С. 108–111.
9. Стручков, Н. А. Наказание как средство борьбы с преступностью [Текст] / Н. А. Стручков // Советское государство и право. – 1969. – № 11. – С. 91–98.
10. Сулейманова, С. Т. Эволюция целей наказания в уголовном праве России и Канады [Текст] / С. Т. Сулейманова // Lex russica. – 2016. – № 7. – С. 105.
11. Тарбагаев, А. Н. Введение в уголовное право Нидерландов: основные институты Общей части [Текст] : учебное пособие / А. Н. Тарбагаев. – Красноярск : СибУП, 2001. – С. 1–35.
12. Фефелов, П. А. Принципы советского уголовного права [Текст] / П. А. Фефелов // Правоведение. – 1989. – № 2. – С. 36–43.